

УДК 11. 111. 373.

Лызлов А.И.

Смоленский государственный университет

ЛЮБОВНАЯ ТЕМАТИКА В ОБРАЗНЫХ ПАРЕМИЯХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

A. Lyzlov

Smolensk State University

THE IMAGE OF LOVE IN ENGLISH AND RUSSIAN PROVERBS

Аннотация. Статья посвящена семантическому анализу английских паремических единиц, объективирующих образ «любовь». Данный образ многогранен, он позволяет раскрыть различные сферы человеческих взаимоотношений. Паремическая картина мира английского языка, в которой понятие любви играет важную роль, использует различного рода метафорические модели как средства эмоционально-оценочной экспликации образа «любовь». В статье выделены и проиллюстрированы примерами данные модели. Представлены результаты проведённого анализа и сформулирован вывод о многогранности тематики любви и о семантическом разнообразии отражающих её английских паремий.

Ключевые слова: паремия, образ, оценка, признак, картина мира.

Abstract. The article presents the results of semantic analysis of English proverbs objectifying the image "love". The image under discussion is polysemantic, it allows to describe different spheres of human relations. The proverbial mapping of the English language, in which this notion plays an important role, uses various metaphorical models as means of emotional and evaluative explication of the image "love". The types of the models are analysed in the article.

Key words: proverb, image, evaluation, feature, mapping.

Тенденции современного языкознания имеют в своей основе принципы антропоцентризма. Человек – это центр, через который проходят координаты, определяющие предмет, задачи, методы, ценностные ориентации современной лингвистики [5, с. 24; 15, с. 69]. Паремические единицы как нельзя более ярко отражают антропоцентрические тенденции, лежащие в основе теории картины мира. Проблемой исследования картины мира в языке занимались многие исследователи [7; 9; 11; 12; 16; 17]. Большинство учёных рассматривает картину мира как глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, выступающий в качестве регулятора его жизнедеятельности; она проявляется в поведении человека, существует в форме идеальной, как элемент сознания, и выражен материально [17, с. 8].

Принято считать, что идеи В. фон Гумбольдта послужили основой для развития теории языковой картины мира. Его отношение к языку как к «миру, лежащему между миром внешних явлений и внутренним миром человека», как к «не просто внешнему средству общения людей, поддержания общественных связей», но средству, «заложенному в самой природе человека и необходимому для развития его духовных сил и формирования мировоззрения» [7, с. 51]. Картина мира – это не зеркальное отражение мира, а всегда есть некая интерпретация. Акты миропонимания, по Е.С. Кубряковой, осуществляются отдельными субъектами, как коллективными, так и индивидуальными, и эти субъекты отличаются друг от друга. Различные общности людей, объединённые в различные социальные образования, имеют собственный взгляд на мир, собственный «стиль» преломления мира в сознании членов рассматриваемого социума [9, с. 29]. Любой языковой коллектив объединён не только собственно языковой

средой, но и картиной мира, запечатлённой в общественном тезаурусе. Коллектив создаёт среду, где развивается общественное сознание носителя языка [12, с. 137; 13, с. 8].

Человеческое сознание эклектично и многогранно, оно неизбежно отражается на когнитивной картине мира. Субъективные аспекты восприятия человеком действительности входят в общую картину мира, которая создаётся в сознании говорящих на том или ином языке людей в результате отражения реальной действительности во всей её хаотичности и мозаичности, имеет индивидуализированный характер и выражается различными языковыми и неязыковыми средствами: жестами, мимикой, интонацией и т. д. [11, с. 157]. Избирательный характер мышления, в том числе и метафорического, отмечал ещё А. Сеше: «Среди тысяч смутных ассоциаций, которые создаются благодаря речевой деятельности (эмбрионы интеллекта), человек отдаёт предпочтение тем, которые отвечают наиболее насущным требованиям интеллекта и эмоциональной жизни» [19, с. 144]. О.Г. Почепцов убеждён в том, что представление или отражение мира построено на принципе пиков [16, с. 112]. Иными словами, отражению подвергается не мир в целом, а лишь его релевантные узловыe компоненты, которые наиболее полно характеризуют мир.

Тему экспликации картины мира в паремических образованиях освещали многие языковеды [1; 2; 12; 15; 16]. Современными учёными вводится понятие «провербиальная картина мира», под которой понимается картина мира, объективированная в пословицах и отражающая интеллектуальное и эмоционально-ценностное отношение народа к миру [1, с. 25]. Пословицы выступают как средство моделирования определённого фрагмента знаний, структурирующих типовые ситуации в жизни человека. Связь с бытом, с окружающими человека явлениями и процессами является одной из основных черт, определяющих семантику паремических единиц. Человек на протяжении всего своего жизненного пути перенимает, воспроизводит опыт

социума, в котором он живёт. Произведения устного народного творчества являются плодом коллективного труда, они народны как по стилю содержания, так и по форме его передачи. В паремиях можно легко выделить характерные для фольклора сюжеты, образы, темы.

Паремиологическая картина мира является составной частью более обширного образования – наивной или донаучной картины мира. Ю.Д. Апресян полагает, что каждый естественный язык отражает определённый способ восприятия и организации мира. Выражаемые в нём значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. Термин «наивная картина мира» не следует понимать как нечто примитивное или алогичное. Во многих случаях наивные представления о человеке и мире не менее сложны и интересны, чем научные [2, с. 349]. Они отражают опыт десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надёжным проводником в этот мир. Пословица представляет собой образец мышления, описываемый параметрами наивной картины мира. Пословицы вмещают в свои предельно краткие формулы социальный, исторический и житейско-бытовой опыт целого народа как многотысячного коллектива. Знание пословиц позволяет судить об отразившейся в них истории народа, о народном языке и о национальном характере. Л. Леви-Брюль отмечал, что наивные коллективные представления человека в значительной мере отличаются от современных представлений, основанных на достижениях философии, религии и науки. Они не имеют привычных для нас логических черт и свойств. Психическая деятельность первобытного человека является мистической, которая проявляется через веру в силы, неприметные, неощутимые для чувств, но воздействующие почти на все сферы человеческой жизни [10, с. 29]. Паремии переносят нас в те полумифические времена, когда мир был ещё молод и человек жил в непосредственной связи с ним.

При построении паремиологической системы представлений, базирующейся на наивной картине мира, национальное сознание формирует образы, составляющие её. Д. Юм описывает образы как «... восприятия, которые входят в сознание с наибольшей силой и неудержимостью», которые учёный называл «впечатлениями» [21, с. 62]. Образ рождается в сознании как наглядное чувственное представление, «мысленная картинка» [20, с. 7]. Образ представляет собой механизм стихийного, непровольного исследования мира в жизни [3, с. 319].

Любой образ в сознании человека существует не изолированно, а как система, сходные элементы которой могут группироваться в модели образов (парадигмы образов). Чтобы понять образ, нужно понять его когнитивную парадигму [14, с. 14]. При всём внешнем различии образов каждая группа имеет инвариант – смысл, общий для двух её членов. Такой инвариант называется парадигмой образов и состоит из двух смыслов, связанных отношением отождествления: левого элемента (того, что отождествляется с чем-либо) и правого элемента (того, с чем происходит отождествление).

Образ дуалистичен: с одной стороны, он может рассматриваться как нечто неделимое, где каждое качество разлито по всей его протяжённости и проникает в остальные, с другой – как совокупность различных свойств, как система фрагментарных аспектов, в которой просматривается её первоначальная нерасчленённость [18, с. 171]. Образ возникает в процессе восприятия, но в самом восприятии не участвует; образ возникает в ситуации отсутствия; образ не совпадает с оригиналом; образ воплощает в себе единство формы и содержания. Его главное назначение состоит в обобщении накопленного опыта, связанного с индивидуальным объектом или классом объектов. Это итог наглядного обобщения, отбора ситуаций максимального соответствия внешнего облика духовному содержанию [3, с. 320]. В понятии образа обозначилась идея формы, мыслимой отвлечённо от субстанции и поэтому воспроизводимой.

Многие исследователи когнитивной теории метафоры отмечают двуплановость разного метафорического значения, которое присутствует и у паремий. Метафора рождается как столкновение двух различных и часто разнородных семантических пространств. Любое метафорическое высказывание есть результат поиска в сопоставлении этих разных пространств. Более известный и конкретный объект в этой формуле получает название «область источника» (*source domain*). Область источника представляет собой определённое знание, получаемое человеком в процессе непосредственного опыта взаимодействия с действительностью. Сфера цели (*target domain*) является менее ясным, конкретным и определённым знанием [4; 22].

Метафора – прямой наследник образа. Образ и являет собой «сходство несходного» [14, с. 25], он не допускает категориального сдвига «категориальной ошибки» [3, с. 323]. Метафора возникает только в условиях нарушения категориальных границ. Ресурс метафоры – сдвиг классификации объекта, включение его в тот класс, сформированный относительно одного класса объектов к другому классу или представителю другого класса, как перенос ассоциации из сферы источника в сферу цели.

Предметом рассмотрения данной статьи являются паремические единицы со значением «любовь», план содержания которых можно упорядочить относительно различных метафорических моделей. Данный языковой материал становился предметом рассмотрения многих авторов [6, с. 208; 8, с. 120].

Любовь – родство. Механизм метафоризации с привлечением тематики родства находит свою реализацию в описании любовной тематики: *love is the mother of love* [23] (букв.: «любовь есть «мать любви»).

Любовь – свобода. Любовь свободна, она не признаёт условностей и преград, созданных обществом. Об этом посредством персонификации нам сообщают различные английские паремии. Насилие никогда не было успешным средством для того, кто хочет добиться любви от другого человека: *love cannot*

be forced [25] (букв.: «любви нельзя добиться силой»). Данная единица имеет вариант, в котором используется синоним глагола *to compel – to force*. В паремическом тексте *love laughs at locksmiths* [23] (букв.: «любовь смеётся над кузнецами») даёт негативную оценку попыткам людей, которые хотят разлучить влюблённых и создают разнообразные преграды на их пути.

Для любви нет преград: *love may creep where it may not go* [24] (букв.: «любовь сможет проползти там, где она не сможет пройти»). В описываемой паремии задействованы глаголы *to creep* и *to go* – «ползти» и «идти», которые способствуют персонификации понятия любви. Любовь не признаёт социального неравенства, она уравнивает людей, для неё нет разницы между чувствами богатых и бедных людей. Данная идея раскрывается в паремии *love lives in cottages as well as in courts* [24] (букв.: «любовь живёт как во дворцах, так и в хижинах»). Не существует абсолютной свободы. Если говорить о свободе человека применительно к понятию любви, то паремическая картина мира английского языка указывает на то, что нужно учитывать интересы и потребности любимого человека для того, чтобы отношениям сопутствовал успех. Паремия *love me, love my dog* [23] (букв.: «любишь меня, люби и мою собаку») посредством использования вторичной номинации советует мириться с привычками близких людей, которые, хоть и не доставляют неприятностей, но всё же не одобряются.

Любовь – война. Ещё древнеримский поэт Овидий в метафорическом смысле рассматривал любовь и войну как нечто подобное: *love is a kind of warfare* [24] (букв.: «любовь сродни войне»). Дж. Лакофф и М. Джонсон выделяют метафорическую модель «любовь – война», которая объективируется и в ряде паремических высказываний. Любовь не имеет преград, она всё побеждает: *love conquers all* [24] (букв.: «любовь покоряет всё»). Паремия *there is no law in love and war* [23] (букв.: «для войны и для любви не существует законов») описывает стремление влюблённых завоевать своё счастье во что бы то ни стало.

В любви и на войне ценится смелость. Русская паремия «любовь покровительствует смелым» находит свои соответствия в английской паремиологической традиции в ряде паремических единиц. Паремическое высказывание *none but the brave deserves the fair* [24] (букв.: «только храбрецы завоевывают сердца красавиц») является почти дословным отображением приведённой выше русской единицы. В паремическом тексте *faint heart never won fair lady* [23] (букв.: «робкому сердцу не завоевать любви прекрасной дамы») применяется приём антонимизации. В нём говорится о том, что слабый духом человек никогда не добьётся успехов в любви.

Любовь – болезнь. Любовные переживания от неразделённой любви имеют негативную окраску. Любовные мучения в наивном сознании ассоциируются зачастую с мучениями физическими. Поэтому оправданно появление метафорической модели «любовь – болезнь», раскрывающей тематику любовных мук [22, с. 80]. В рамках метафорической модели «любовь – болезнь» раскрываются характеристики любви, когда она сопоставляется с различными заболеваниями и симптомами. Нет такого человека, который не испытал любви. Любовью «болеют» так же, как и корью: *love is like the measles, we all have to go through it* [25] (букв.: «любовь как корь, мы все проходим через это»). Любовь поглощает человека целиком, её невозможно скрыть. Об этом повествует паремическая единица *love and cough cannot be hid* [24] (букв.: «любовь и кашель нельзя скрыть»). Любовь без взаимности причиняет человеку сильные страдания, так же, как и серьёзная болезнь. И как в случае с неизлечимой болезнью, от любви нет лекарства. Данную мысль подтверждает паремия *no herb will cure love* [25] (букв.: «нет такой травы, которая лечит от любви»).

Любовь может предстать в образе душевных болезней. Человек должен контролировать свои чувства, иначе страсть поглотит его целиком: *passion will master you if you do not master your passion* [23] (букв.: «страсть овладеет тобой, если ты не овладеешь своей страстью»). Любовь можно сравнить с душевной

болезнью. Человек, испытывающий сильную страсть, сопоставляется с больным, лишившимся рассудка, в поговорке *one cannot love and be wise* [24] (букв.: «невозможно любить и быть мудрым»). Взаимоотношение любви и ревности отражается в поговорке *love is never without jealousy* [25] (букв.: «любовь не бывает без ревности»). Любовь и ревность – две стороны одной медали; болезненное чувство ревности есть лишь там, где есть любовь.

Любовь - игра. Поговорка *unlucky in love, lucky at play, lucky at cards, unlucky in love* [24] (букв.: «не везёт в любви – повезёт в картах, не везёт в картах – повезёт в любви»), построена на основе метафоры «любовь – карточная игра». Данные антитезы говорят о невозможности обрести счастье и в игре, и в любви. Они используются как амбивалентные понятия: кто счастлив в игре, несчастлив в любви. Если человек терпит фиаско в одном, он должен обрести счастье в другом.

Любовь – память. Положительную оценку в поговорке имеет постоянство. Старая любовь долго помнится, говорит поговорка *old love will not be forgotten* [23] (букв.: «старая любовь не забудется»). Поговорка *old love does not rust* [23] (букв.: «старая любовь не ржавеет») имеет семантику, сходную с семантикой предыдущего высказывания. В ней метафоризация осуществляется по схеме «любовь – металл». Сердце, в наивных представлениях, – это орган-вместилище не только души, но и любви. Исходя из этих представлений, строится метонимическая поговорка *the heart that once truly loves never forgets* [24] (букв.: «сердце, которое истинно любит, любовь никогда не забудет»), в которой говорится о том, что если в сердце живёт истинная любовь, то она не пройдёт никогда.

Любовь – разлука. Любовные взаимоотношения не всегда бывают счастливыми, говорит поговорка *every couple is not a pair* [24] (букв.: «не всякая пара становится парой семейной»). В данной единице обыгрываются синонимы *couple* и *pair*, усиленные семантической отрицания. Принято считать, однако, что

даже несчастная любовь предпочтительнее ситуации, когда человек не испытывал чувства любви. Об этом повествует поговорка *it is better to have loved and lost than not to have loved at all* [24] (букв.: «лучше любить и потерять любовь, чем не любить вообще»). Влюблённость зачастую порождает в человеке стремление к опрометчивым поступкам. Поговорка *don't try to fly without wings* [25] (букв.: «не пытайся летать без крыльев») призывает людей трезво смотреть на вещи и не предаваться беспочвенным мечтаньям, приводящим к несчастью.

Тематика любви многогранна, она отражает различные аспекты наивной картины мира. Семантика поговорок, образную основу которой составляет понятие «любовь», описывается при помощи различных метафорических моделей: «любовь – родство», «любовь – свобода», «любовь – война», «любовь – болезнь», «любовь – игра», «любовь – память», «любовь – разлука», которые используются для создания экспрессивно-эмоционального эффекта посредством механизма образной метафоризации.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Литература:

1. Аникин В.П. Русское устное народное творчество. – М.: Высшая школа, 2001. – 239 с.
2. Апресян Ю.Д. Избранные сочинения: в 2-х т. Т. I. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 670 с.
3. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт // АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1999. – 538 с.
4. Баранов А.Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. – 2003. – № 2. – С. 73–93.
5. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18–36.
6. Воркачев С.Г. Концепт любви в русском языковом сознании // Коммуникативные исследования 2003: Современная антология. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 189–208.
7. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 2000. – 396 с.
8. Королькова А.В. Русская афористика в контексте фразеологии: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01. –

- Смоленск, 2005. – 422 с.
9. Кубрякова Е.С. Картина мира и картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М.: Наука, 1986. – 216 с.
 10. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М.: Педагогика Пресс, 1999. – 602 с.
 11. Лукьянова Н.А. Экспрессивность в системе, слове и речи // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. (АН СССР). – Новосибирск: Наука, Сибирское отд. АН, 1986. – 227 с.
 12. Никитин М.В. Об отражении картины мира в языке // Сб. ст. *Studia linguistica: Слово, предложение и текст как интегрирующая система*. – СПб.: Тригон, 1999. – С. 6–14.
 13. Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. – М.: Наука, 1993. – 189 с.
 14. Павлович Н.В. Язык образов (парадигмы образов в русском поэтическом языке). – М.: Азбуковник, 2004. – 528 с.
 15. Попова Е.А. Человек как основополагающая величина современного языкознания // Филологические науки, 2002. – № 3. – С. 24–29.
 16. Почепцов О.Г. Языковая ментальность как способ представления мира // Вопросы языкознания, 1990. – № 6. – С. 110–123.
 17. Резанова З.И. Метафорические фрагменты русской языковой картины мира: ключевые концепты. В 2-х т. Т. I. [Моногр.]. – Воронеж: РИЦ ЕФ ВГУ, 2003. – 209 (2) с.
 18. Сартр Ж.П. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения / пер. с фр. М. Бекетовой. – СПб.: Наука, 2002. – 319 с.
 19. Сеше А. Программа и методы теоретической лингвистики: психология языка / пер. с фр. С.А. Бурляй, Д.В. Сичинова; вступ. ст. В.М. Алпатова. – М.: УРСС, 2003. – 262 с.
 20. Слышкин Г.Г. От текста к символу. Лингвокультурологические концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 128 с.
 21. Юм Д. Исследование о человеческом разумении/ пер. с англ. С.И. Церетели. – М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. – 237 с.
 22. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. – London; Chicago: The university of Chicago press, 1980. – 252 p.
- Источники языкового материала:*
23. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. – 5-е изд., испр. – М.: Живой язык, 1998. – 944 с.
 24. Модестов В.С. Английские пословицы и поговорки и их русские соответствия. – М.: Рус. яз.–Медиа, 2003. – 467 с.
 25. Cambridge International Dictionary of Idioms. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 590 p.